

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2119

(1919)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писать биографию древнерусского книжника Нестора — занятие не просто трудное, а крайне сомнительное и даже едва ли не абсурдное. Причина не в том, что о Несторе почти ничего не известно. В конце концов, сохранились два произведения, несомненно им написанные¹, пусть точное время создания обоих житий вызывает споры, — «Чтение о Борисе и Глебе» и Житие Феодосия Печерского. «Чтение...» — житие князей-братьев, сыновей крестителя Руси Владимира Святого, принявших смерть от руки сводного брата Святополка; Борис и Глеб были первыми среди русских святых удостоены церковного почитания. Житие Феодосия — повествование об одном из основателей Киево-Печерского патерика, Феодосий — первый из русских монахов, причисленных к лику святых (преподобных). Несмотря на обыкновенное для житийной словесности, или агиографии*, использование Нестором «общих мест» (пученному — топосов), а в Житии Феодосия — заимствование не только отдельных выражений, но и целых эпизодов из византийских жизнеописаний святых, эти произведения дают некоторое представление и о взглядах автора, и о его личности. Так в живописи портрет говорит нам не только об изображенном, но и о художнике. Особенно если сравнить картину с портретами этого же человека, написанными другими живописцами. А «Чтение о Борисе и Глебе» мы можем сопоставить с другим житием братьев-мучеников — со «Сказанием о Борисе и Глебе», принадлежащим перу неизвестного книжника. Житие Феодосия стоит сравнить с византийскими жизнеописаниями святых (агиобиографи-

* Агиография — слово, производное от греческих *агиос* — святой и *графо* — пишу.

ями) — в том числе с теми, которые, бесспорно, знал Нестор и следы которых обнаруживаются в его произведении.

И наконец (и это главное), в Житии Феодосия Нестор кое-что сообщает о себе. Немного, но эти крупинки позволяют реконструировать часть его биографии. Кроме того, книга о Несторе, подобно повествованиям о других известных и незаурядных личностях, судьбы которых почти скрыты от нас, неизбежно должна строиться во многом не столько как рассказ о конкретном человеке, сколько как портрет времени, частью которого был наш герой. Именно таковы многие тома серии «Жизнь замечательных людей»; отчасти так пришлось поступить автору этих строк, когда он писал в этой серии книгу об уже упомянутых Борисе и Глебе: о них известно больше, чем о Несторе, но и их биографии по большей части сплошное белое пятно, а сохраненные источниками сведения часто не являются общепризнанными или противоречат друг другу.

Мало того: мы даже знаем, как древнерусский книжник выглядел: эксперт-криминалист С. А. Никитин воссоздал по черепу его скульптурный портрет. Реконструкция, конечно, не фотография — ее точность приблизительна. И всё же, всматриваясь в суровое и мудрое лицо старца с твердым, прямым взглядом, можно, кажется, что-то узнать не только о его внешности, но и о его характере и внутреннем мире. Из обследования мощей Нестора, предпринятого при реконструкции его облика в 1985 году, следует, что он умер в преклонном возрасте и был, по нашим меркам, весьма невысокого роста².

Так что читателю впору воскликнуть вслед за героем одной великой книги: «Тоже мне бином Ньютона!» Нечего автору рисоваться и кокетничать: цели ясны, задачи указаны — за работу!

Увы, всё обстоит намного хуже. Настолько, что в какой-то момент я был готов даже отказаться от задуманного труда, поначалу радовавшего и вдохновлявшего. А всё дело в названии. И, конечно, в читательских представлениях и ожиданиях. Рассказать о двух житиях, написанных киево-печерским монахом Нестором, о жизни и судьбе их творца, об обители, в которой он подвизался, и о Руси того времени, в которое ему выпало жить, — в общем-то не сложнее, чем проследить путь любого иного известного и прославленного человека прошлого. Но, несомненно, абсолютному большинству возможных читателей этой книги «Чтение о Борисе и Глебе» неизвестно: переиздавалось оно нечасто, и

если кто-то из читателей и знаком с каким-то из агиографических памятников о Борисе и Глебе, то им, конечно, является «Сказание»: оно и перепечатывалось многократно, и в разных хрестоматиях встречается. Да и, приходится признаваться, в художественном отношении оно совершеннее. Из двух написанных Нестором агиобиографий Житие Феодосия знакомо лучше: оно вошло, например, в такие известные серийные издания, как «Памятники литературы Древней Руси» и «Библиотека литературы Древней Руси». Житие это в своем роде замечательное. И всё же в сознании большинства слышавших о Несторе его имя спаяно, сращено неразрывно вовсе не с двумя житиями, а с Начальной русской (точнее, восточнославянской) летописью — «Повестью временных лет». Забавный случай из жизни. Один не самый дикий и непросвещенный школьник на вопрос автора этих строк: «О ком идет речь в стихе Грибоедова “Тот Нестор негодяев знатных”?», не задумываясь, назвал героя этой книги. Ошибка, уверен, не единичная. (В действительности создатель «Горя от ума» подразумевал старейшего из героев Троянской войны, упоминая его имя в нарицательном значении «вождь, предводитель».) А современный интеллигент (впрочем, не специалист по Древней Руси) ничтоже сумняшеся написал: «Автором “Повести временных лет” считают монаха XII века Нестора, хотя единственное, что о нем известно, — это то, что он автор “Повести”»³. О Несторе известно не так уж мало, но вот то, что он написал «Повесть временных лет», как раз не факт, а предположение.

Мы говорим Нестор — подразумеваем летопись. Не случайно заглавие этой книги не просто «Нестор» (мало ли было Несторов — от премудрого старца — героя Гомеровой «Илиады», наставляющего греческих царей под стенами Трои, до знаменитого анархиста Махно...), а «Нестор Летописец»*. Это примерно так же, как с Фонвизиним: он написал немало других интересных сочинений (одна комедия «Бригадир» чего стоит!), но остался памятен неспециалистам лишь как автор «Недоросля»: «Умри, Денис, лучше не напишешь!» Или как с Грибоедовым: признайтесь, мно-

* И, к слову, совсем не случайно и явно в честь историка-летописца герой известного советского многосерийного фильма Алексея Коренева «Большая перемена» (1972—1973), снятого по сценарию Георгия Садовникова (основанному на его же повести «Иду к людям»), учитель истории в вечерней школе (роль Михаила Кононова) назван Нестором Петровичем. Режиссер и сценарист, несомненно, были уверены, что эта аллюзия будет замечена и понята зрителями.

гие ли читали, к примеру, его комедии «Молодые супруги» или «Притворная неверность»? (Первая из них — переделка французской пьесы, а вторая написана в соавторстве, но сути дела это не меняет.)

Между тем еще в XIX веке прозвучало мнение, что Нестор «Повесть временных лет» не писал. Указание на его авторство содержится лишь в одном позднем списке (XVI века) этой летописи и в послании киево-печерского монаха Поликарпа архимандриту* этой обители Акиндину, написанном в начале 30-х годов XIII века. А в древнейшем списке «Повести временных лет», Лаврентьевском (1377), не только нет имени Нестора, но содержится приписка другого книжника — Сильвестра, то ли составителя, то ли редактора или переписчика летописи. Кроме того, между житиями, точно составленными Нестором, и «Повестью временных лет» обнаруживаются противоречия. Все эти казусы исследователи-текстологи склонны решать по-разному, причем случалось, что один и тот же ученый менял свою точку зрения. Кто-то доказывает, что Нестор — составитель первой редакции летописи, позднее переработанной (по одной из версий — Сильвестром); до нас эта редакция в первоначальном виде не дошла. Другие полагают, что он автор основного дошедшего до нас текста «Повести временных лет». Некоторые считают Нестора редактором поздней версии «Повести временных лет», но не автором. Есть и те, кто полностью отрицает причастность Нестора к работе над этой летописью. Высказывалось и предположение о двух Несторах: один автор житий, а другой и правда летописец. Небезызвестный Хлестаков приписал себе авторство романа «Юрий Милославский», написанного Загоскиным, а когда чуть не оказался уличен во лжи, заявил, что написал другой роман с таким же названием. В гоголевском «Ревизоре» представлена комическая ситуация — существование двух разных книг с одним и тем же, не самым распространенным названием. А вот в летописеведении появились два книжника с одним и тем же именем.

Но и это еще не всё: предметом непрекращающихся споров является объем текста Начальной летописи, принадлежащий автору «Повести временных лет»: ведь очень многое, посвященное описанию событий прошлого, этот книжник брал из более ранних летописей. Вместе с тем, если первоначальный текст «Повести временных лет» под-

* Архимандрит — высший титул настоятеля монастыря.

вергался переработке и в исконном виде не сохранился (а это доказано практически неопровержимо), то возникает вопрос: а каким он был? Дискуссии по этому поводу ведутся много лет, а согласия нет как нет.

Итак, проблема первая: а был ли Нестор летописцем, Нестор ли написал «Повесть временных лет»? Проблема вторая: даже если принять гипотезу об авторстве Нестора, что именно в составе летописи ему принадлежит?

Запутанность этих проблем объясняется, с одной стороны, недостаточностью сведений, имеющихся в нашем распоряжении, а с другой — возможностью взаимоисключающих ответов. Понятно, что отрицающие друг друга точки зрения не могут быть одинаково верными. Но какая из них может быть признана истинной? Различные гипотезы относительно истории создания и авторства «Повести временных лет» часто, если не обычно, строятся на избирательных основаниях, способных эти предположения подтвердить, при недооценке или игнорировании иных данных, которые также можно было бы взять в качестве исходных. Кроме того, имеющиеся свидетельства нередко подвергаются односторонней, субъективной интерпретации; при этом другие толкования игнорируются.

Однозначное решение «проблемы Нестора Летописца», видимо, попросту невозможно. Автор этих строк, хотя и занимался изучением «Повести временных лет», в том числе некоторыми вопросами истории текста отдельных ее фрагментов, не исследовал историю складывания памятника в целом. К тому же жанр книги, которая предложена читателю, исключает возможность развернутых ученых штудий, понятных и интересных только специалистам. На мой взгляд, бесспорных оснований отрицать авторство Нестора и его право именоваться Летописцем нет. Поэтому я принимаю эту «выгодную» для себя гипотезу со спокойной совестью, хотя и сознаю: при ином ракурсе, ином взгляде такое авторство оказывается проблематичным. Замечу лишь, что, как представляется, ракурс, избранный мною, с точки зрения доказательности, обоснованности ничуть не хуже иных. Что касается объема летописных текстов, возможно принадлежащих Нестору, я предпочитаю быть достаточно суровым и строгим, в целом соглашаясь признать им написанными лишь те фрагменты, которые еще в начале XX века посчитал Несторовыми замечательный исследователь «Повести временных лет» академик А. А. Шахматов. Но ограничиться простым согласием с Шахматовым

невозможно: за прошедшие примерно сто лет после издания его книги «Повесть временных лет» (1916) появились исследования как уточняющие его концепцию, так и пытающиеся ее опровергнуть. Игнорировать их и неверно, и невозможно, как невозможно и рассмотреть во всех деталях: научно-популярная книга превратилась бы в объемистый ученый труд по текстологии «Повести временных лет», писать который я бы сейчас не решился. Пришлось поступить иначе: посвятить проблемам истории текста Начальной летописи и авторства Нестора отдельную главу, названную «Как создавалась “Повесть временных лет”, или Немного текстологии». Читатели, не желающие обременять себя необходимостью следить за учеными спорами, аргументами и контраргументами, могут эту главу пропустить, спокойно и комфортно приняв как данность привычную версию о Несторе — авторе «Повести временных лет». Нужно только помнить, что эта версия — на самом деле гипотеза, а не безусловный факт.

Желающим понять, «как оно могло быть на самом деле», советую этой главой не пренебречь. Ведь, как заметил современный исследователь летописания, «вообще, ключ к пониманию многих средневековых источников, и в особенности — анналов* и летописей — лежит в реконструкции процесса их создания и последующей переработки. Если мы возьмем почти любые средневековые анналы, мы увидим, что в тексте — в том виде, в каком он дошел до нас, — отразилась работа многих поколений летописцев, ведших погодные записи, составлявших своды, делавших приписки на полях, и так далее. Каждый из них, разумеется, мог иметь свои собственные, неповторимые особенности стиля, взгляды и круг интересов, однако все они участвовали в некоем общем занятии, процессе, оставаясь, как правило, анонимными. Поколения ученых-текстологов распутывают такого рода “клубки”, восстанавливают конкретные этапы работы летописцев, реконструируют утраченные протографы. Иногда выводы ученых настолько безупречны и убедительны, что принимаются всеми или почти всеми. Но чаще бывает, что по поводу важнейших событий в истории анналистики той или иной страны возникают научные дискуссии, конкурирующие точки зрения, множество гипотез и догадок»⁴.

* Анналы (от латинского *annus* — год) — средневековые западноевропейские хроники в виде годовых записей, аналог древнерусских летописей.

Не прочитавшим эту главу могу лишь адресовать фразу из известной кинокомедии: «Хотите — верьте, хотите — нет». Если же к этой главе обратятся читатели — специалисты по истории текста «Повести временных лет», хочу предупредить их возможные недоумение и недовольство (почему не упомянута или не рассмотрена подробно статья или книга такая-то?), смиренно напомнив («Не кляните Бога ради», — сказал бы в подобном случае летописец), что я писал не научное исследование и правила жанра никак не позволяют пойти против формулы, некогда выведенной небезызвестным Козьмой Прутковым: «Нельзя объять необъятное». Вместе с тем в главе содержатся текстологические размышления и наблюдения, которые, смею надеяться, окажутся небезынтересными и важными и для ученых.

Поскольку эта книга не строго научное сочинение, древнерусские тексты цитируются в ней, как правило, в переводе на современный русский язык, при цитировании из имеющихся в оригинале используются только буквы, существующие в современном русском алфавите», за исключением буквы ять (ѣ) — ей по нынешним орфографическим правилам соответствует «е» — и «і» — на ее месте сейчас ставят «и». Эти буквы сохраняются, если используются в цитируемых публикациях. Также сохраняется, если она есть в древнерусских текстах, буква ер (ѣ) на конце слов. Во времена Нестора она обозначала краткий (редуцированный) звук «о». Когда в изданиях текст печатается по рукописям знак в знак, пунктуация приведена к современным нормам. Все выделения в цитатах принадлежат авторам соответствующих работ.

Нестору посвящена лишь одна, во многом устаревшая и тенденциозная монография, принадлежащая М. Д. Присёлкову*. Имеющиеся статьи о нем — чисто научные, специальные исследования, к тому же обычно содержащие спорные гипотезы и толкования. Поэтому я предпочел отказаться от библиографического списка в конце книги. Что касается изданий «Чтения о Борисе и Глебе», Жития Феодосия Печерского и «Повести временных лет», читатели могут найти ссылки на них в соответствующих главах.

В качестве синонима названия «Повесть временных лет» используется принятое в науке обозначение «Начальная летопись». Не следует путать его с «Начальным сво-

* Ее переиздание: *Присёлков М. Д.* Нестор Летописец: Опыт историко-литературной характеристики. [2-е изд.] СПб., 2009.

дом» — традиционным обозначением гипотетической летописи, предшествовавшей «Повести...».

Я постарался избежать, насколько это было возможно, повторов. Но всё же в нескольких случаях мне пришлось в разных главах обращаться к одним и тем же фрагментам древнерусских источников, рассматривая их с различных точек зрения. Византийский император X века Константин Багрянородный, рассказывая о походах киевских князей по окрестным землям за данью, назвал их «кружениями». Читателям этой книги придется поучаствовать в «кружениях» по древнерусским текстам. Пишущий эти строки не обещает им такого же прибытка, что получали древнерусские правители. Но, думаю, возвращение к цитатам из одних и тех же текстов будет для них не только необходимым, но и небезынтересным.

Автор считает своим приятным долгом выразить признательность исследователям, познакомившим его со своими работами или указавшим на них: А. А. Гиппиусу, С. М. Михееву, Ф. Б. Успенскому. Особая благодарность — покойному А. А. Шайкину.

Глава первая
ЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

К сожалению, всё, что мы знаем о Несторе достоверного, ограничивается известиями о себе в двух написанных им житиях. Самое раннее событие собственной жизни, им упоминаемое, — приход в Киево-Печерский монастырь. В Житии Феодосия Печерского Нестор пишет, что «принят был» в монастырь «преподобным игуменом* Стефаном, и от него пострижен был, и монашеских одеяний сподоблен, еще же и в диаконский сан им возведен был»¹. Детство и отрочество знаменитого книжника, его жизнь в миру скрыты от нас непроницаемым мраком. А вот образованные люди XVIII века были убеждены, что им известен не только точный год рождения Летописца, но и место, где он появился на свет. Открыв словарь русских писателей, составленный известным литератором, издателем и просветителем Н. И. Новиковым, они могли прочитать: Нестор «родился на Беле-озере 1055 года, пришел в монастырь 1073 года, при Антонии и Феодосии»². Создателем версии о Белоозере, городе на далеком севере, на берегу одноименного озера (ныне это районный город Вологодской области), был первый русский историк XVIII века В. Н. Татищев. Он первым написал, что автор Начальной летописи «родился на Беле Озере»³. Своим рождением на свет это, на первый взгляд интригующее, известие обязано описке безымянного древнерусского книжника. В Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи — рукописи конца XV века, впервые изданной в 1767 году, в знаменитом рассказе о призвании на княжение братьев-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора под 862

* Преподобный — здесь: монах (в другом значении: монах, причисленный к лику святых). Игумен — титул настоятеля монастыря.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА И ГЛАВНЫХ СОБЫТИЙ ЕГО ВРЕМЕНИ

- Не ранее 1050* — рождение Нестора.
- 1054, 20 февраля* — смерть Ярослава Мудрого. Вокняжение в Киеве Изяслава Ярославича.
- 1072, 20 мая* — перенесение мощей святых Бориса и Глеба в новый храм.
- 1073, 22 марта* — изгнание Изяслава из Киева братьями Святославом и Всеволодом.
- 1074, 3 мая* — кончина игумена Печерского Феодосия.
- Не ранее мая 1074* — пострижение Нестора в монахи Киево-Печерской обители.
- Между 1074—1078, видимо не раньше 1076* — возведение Нестора в сан диакона.
- 1076, 27 декабря* — смерть Святослава Ярославича.
- 1077* — возвращение на киевский престол Изяслава Ярославича.
- 1078* — междоусобная война на Руси.
- 3 октября* — гибель Изяслава Ярославича в битве на Нежатиной Ниве. Вокняжение в Киеве Всеволода Ярославича.
- Конец 1077 — начало 1078* — изгнание по требованию братии Несторова учителя игумена Стефана.
- 1078—1088* — игуменство Никона в Печерском монастыре.
- 1081 или 1088* — наиболее вероятное время написания Нестором «Чтения о Борисе и Глебе».
- 1086, 22 ноября* — убийство Ярополка Изяславича.
- Между 1088 и августом 1091* — наиболее вероятное время написания Нестором Жития Феодосия Печерского.
- 1088/89* — возможно, по 1103, но не позже 1108 — игуменство Иоанна в Печерском монастыре.
- 1091, 14 августа* — перенесение мощей Феодосия Печерского в новую монастырскую церковь Успения Богородицы.
- 1093, 13 апреля* — смерть Всеволода Ярославича. Вокняжение в Киеве Святополка Изяславича.
- 26 мая* — поражение Святополка, Владимира Мономаха и Ростислава Всеволодовича от половцев. Гибель Ростислава.
- 1093 (?)* — завершение Начального свода, предшествовавшего «Повести временных лет».
- 1094, 27 апреля* — смерть наставника Нестора епископа Владимирского Стефана.
- 16 мая* — осада Олегом Святославичем Чернигова, занятого Владимиром Мономахом. Спустя восемь дней Владимир Мономах оставил город, вернувшись на княжение в Переяславль.
- Середина 1090-х* — конфликт игумена Иоанна с киевским князем Святополком Изяславичем. Ссылка Иоанна в Туров.

- 1096, 20 июля — нападение половцев на Киево-Печерский монастырь.
- 1096, сентябрь — 1097, конец февраля — война Олега Святославича с сыновьями Владимира Мономаха.
- 1097, октябрь — Любечский съезд князей.
6 ноября — ослепление Василька Тербовольского князем Давыдом Игоревичем при пособничестве Святополка Изяславича.
- 1098—1099 — междоусобная война, вызванная ослеплением Василька Тербовольского.
- 1100, август — княжеский съезд в Уветичах.
- 1102, 11 августа — смерть в киевской темнице князя Ярослава Ярополковича.
- 1103, весна — первый большой победоносный поход русских князей на половцев.
- 1106 — смерть Яня Вышатича — информатора Нестора Летописца.
- 1107, август — успешный поход русских князей на половцев.
- Не ранее 1108 (по другим данным — с 1103) — до 12 января 1113 — игуменство Феоктиста в Печерском монастыре.
- 1108 — церковное прославление Феодосия Печерского.
- 1111, февраль — март — победоносный поход русских князей на половцев.
- 1112, 25 мая — смерть князя Давыда Игоревича.
- 1113, январь — поставление в игумены Печерского монастыря священника Прохора.
16 апреля — смерть киевского князя Святополка Изяславича.
- Не ранее 1113 — завершение работы Нестора над «Повестью временных лет».
- Не ранее 1113, возможно, 27 октября — смерть Нестора.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава первая.</i> Явление героя	13
<i>Глава вторая.</i> «...Слезами, пощеньем, молитвою, бдѣньем». Печерская обитель	46
<i>Глава третья.</i> «От многих мала въписах, да почитающе славят Бога». «Чтение о Борисе и Глебе»	74
<i>Глава четвертая.</i> «...Понудихъ ся и на другое исповѣдание прийти». Житие Феодосия Печерского	103
<i>Глава пятая, читать которую не обязательно.</i> Как создавалась «Повесть временных лет», или Немного текстологии	138
<i>Глава шестая.</i> «Исполнен долг, завещанный от Бога...» ...	194
Вместо послесловия	240
Примечания	244
Основные даты жизни и творчества Нестора Летописца и главных событий его времени	347